

В. П. СТЕПАНОВ

К ВОПРОСУ О РЕПУТАЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Проблему общественной репутации литературного труда можно рассматривать с разных точек зрения. Применительно к литературе середины XVIII в. нас интересует прежде всего, как понимали в это время роль литературы в культурном и политическом развитии нации. Этот вопрос тесно связан с другим вопросом — о «дилетантизме» писателей XVIII в., который рассматривается как показатель низкого общественного престижа литературы и соответственно занятий литературой.¹

В течение XVIII в. литературное творчество в России постепенно обособляется и становится самостоятельной областью деятельности. Писатели, создававшие в противовес предшествующей традиции литературу совершенно нового, «европейского» типа, в первую очередь должны были осмыслить функциональное значение литературы в жизни нации и государства.

Как показывают исследования последних лет, допетровская литература была в основе своей профессиональна. Отношение к писательскому труду изменилось в Петровскую эпоху в результате гражданских, и прежде всего церковных реформ Петра I, разорвавших замкнутость церковной идеологии. Литературный труд утратил характер «святого» дела. Достаточным для «вечного блаженства» души оправданием земной жизни было провозглашено исполнение сословной и служебной обязанностей; в остальном каждый мог по желанию писать или не писать; «писатель стал частным человеком, частный человек стал писателем».² Это идейное изменение сильнее всего затронуло духовную литературу. В отношении монахов и белого духовенства Петр I подкрепил новую политическую установку «Духовным регламентом» и мерами административного характера: созданием Синода и

¹ См.: Гриц Г., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. (Книжная лавка Смирдина). М., 1929.

² Палаченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху. — В кн.: XVIII век. Л., 1974, сб. 9, с. 124—126.

духовной цензуры — и обратил в чиновников эту гуманитáрно образованную прослойку русского общества.

В области светской литературы практическим задачам просвещения страны и политическим целям Петра I вполне соответствовал тип писателя-чиновника, по долгу службы выполняющего правительственный заказ. Перу таких переводчиков-трудюльцев, которые вербовались часто из людей духовного звания, принадлежит весь комплекс книг первой четверти XVIII в., так называемых петровских изданий.

Петровская реформа идеологически преобразовала традицию старой духовной литературы. Однако секуляризация культуры в области литературы несла в себе внутреннее противоречие нового характера. Петровская эпоха допустила в литературу любовную, авантюрную, юмористическую и другую светскую тематику, признав, таким образом, за развлекательной, т. е. по существу эстетической, функцией литературы самостоятельное значение. Целесообразность труда чиновника не вызывает сомнения и не требует оправдания, независимо от того, считает он деньги или пишет и переводит. Поэтому, пока дело касалось государственных изданий, не возникал и вопрос об их целесообразности, разве что речь шла о критике с чисто технической точки зрения — точность перевода, логичность изложения и понятность языка. Писательство частного лица также не подвержено критике, если оно предпринято ради развлечения и удовольствия. Как только произведение выходит в свет, к нему начинают предъявляться общие для эпохи требования. В условиях, когда литературная деятельность являлась монополией государства, естественно, таким критерием стала государственная, общественная полезность.

Идея общественного служения и образ Петра как идеальное воплощение этой идеи в большой степени определили развитие русской мысли в первой половине XVIII в. Не был также полностью разрушен старый стереотип духовной литературы как дела исключительно серьезного. Светские произведения частных писателей, если они прямо не соотносились с таким стереотипом, встречали противодействие в силу культурной и идейной традиций. Одним из первых произведений такого рода можно считать переведенную В. К. Тредиаковским «Езду в остров любви», галантный роман П. Тальмана, или «книгу сладкия любви», как определил ее переводчик. Перевод понравился Б. А. Куракину и был напечатан при его содействии. Петербургское издание 1730 г. имело успех у светских читателей и сделало переводчика модным человеком в столице. Однако сразу последовали нападки на книгу и переводчика, исходившие, как можно предполагать по отрывочно известной переписке В. К. Тредиаковского с И. Д. Шумахером, из академических кругов и от духовенства.³

³ Пекарский П. П. История имп. Академии наук. СПб., 1873, т. II, с. 28—29.

По-видимому, не случайно в 1732 г. журнал Академии наук «Примечания на Ведомости» начал печатать перевод знаменитых писем госпожи А. де Ламбер к дочери, посвященных проблемам воспитания. Здесь русский читатель впервые встретил развернутую аргументацию против любовного романа и развлекательной литературы в целом. Подлинник «Писем» появился в начале XVIII в. и, естественно, излагаемые здесь взгляды на роман несли отпечаток старой, отшумевшей во Франции полемики против барочного романа. Главное обвинение, выдвигаемое против «любовных и героических описаний, которые обыкновенно романами называются», — отсутствие серьезного содержания и эротические описания, «мечтания чрез меру возбуждающие» и «оставляющие в сердцах непорядочные движения». ⁴ Позднее такие соображения более или менее стандартно выдвигались противниками сюжетной прозы в России вплоть до начала XIX в. Попутно де Ламбер задевала и итальянских авторов, в «письмах которых находится много шутки в словах» (тема, затронутая позднее и М. В. Ломоносовым в «Риторике»). В 1741 г. против романов, «от коих единственно только совести соблажнение и к страстям посползновение ощущается», выступает в предисловии к переводу Ильи Минятия Стефан Писарев. ⁵ В это же время о развлекательных произведениях старой беллетристической традиции — «Бове» и «Ерше Ершовиче» — пренебрежительно упоминает в примечании к своим стихам А. Д. Кантемир: «Весьма презрительные рукописные повести, которые на Спасском мосту с другими столь же плохими сочинениями обыкновенно продаются». ⁶ Парадокс заключался в том, что в 1730-е гг. репертуар светской повести был крайне незначителен. Рукописные переводы датируются в основном следующим десятилетием, а печатные издания романов появляются только в 1750-е гг. Русские критики как бы предупреждали будущее увлечение развлекательными жанрами.

Другой пример популярного жанра, который долгое время остается на периферии официальной литературы, представляет любовная песня. Силлабический кант, так же как и романсы сумароковской школы, до 1750-х гг. не попадают в печать, и если бы не рукописные песенники, то мы бы ничего не знали о традиции, связывающей петровское время с позднейшей литературной песней. Между тем репертуар ее, накопленный за тридцать лет, был огромен, как показывает «Полное собрание русских песен» М. Д. Чулкова—Н. И. Новикова. Косвенно это указывает и на большое число авторов, вовлеченных в поэтическую работу.

⁴ Цит. по отд. переизданию перевода «Письма госпожи де Ламберт к ея сыну о праведной чести и к дочери о добродетелях приличных женскому полу». СПб., 1761, с. 106, 108.

⁵ Поучения во свяую и великую четьредесятницу... СПб., 1759, т. I, с. 2.

⁶ Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л., 1956, с. 220.

Противоречие между развлекательной и общественно-политической функцией существует в любом виде искусства, и каждая эпоха находит свое конкретно приемлемое сочетание развлекательного и серьезного. Можно проследить, как снимали это противоречие писатели XVIII в., вставшие на путь независимого от государства творчества. Первоначально появление новых тем писатели оправдывали прямыми соображениями общественной пользы. В предисловии к ранней редакции 1-й сатиры А. Д. Кантемир, «нужде последуя», пояснял, что «она в забаву писана». Произведение вызвало недовольство; во 2-й сатире автор вынужден был ответить на негодование читателей: «Кто его поставил судьбою над нами?» Центральный аргумент ответа, который А. Д. Кантемир, видимо, считал достаточным и убедительным, сводился к тому, что он, писатель, создал свою сатиру, думая о благе общества: «Все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбывая все то, что согражданам моим вредно». Примерно в том же духе мотивировал он выбор для перевода из сочинений Горация именно «посланий», ибо «больше всех других его сочинений обильны нравоучением».⁷ В. К. Тредиаковский начал свое обширное предисловие к «Аргениде» (1751) тем, что сформулировал главную ценность романа Баркляя: «совершенное наставление как поступать государю».

Д. Барклай следовал, по мнению Тредиаковского, общим задачам поэзии, так как, пишет он, несколько перефразируя Горация, «пииты ни о чем больше в сочинениях своих не должны стараться, как чтобы или принести ими пользу, или усладить читателя, или твердое подать наставление к честному и добродетельному житию». Большая часть предисловия посвящена доказательству, что роман Баркляя не имел бы той силы, если бы не был написан «стилем стихотворческим» (т. е. не был поэтическим произведением).⁸ Ту же мысль о значении искусства изложения Тредиаковский повторил при оценке «Телемака» в переводе А. Ф. Хрущева: «Коль ни благоразумный и ни добронравный переводил его муж, и язык разумевший французский; однако не обратившийся в словесных науках» дал лишь «токмо тень сочинения» Фр. Фенелона.⁹

В случаях не столь очевидных и убедительных нашла применение почерпнутая у Горация формула с многовековой историей «мешать полезное с приятным». Развернутое ее толкование применительно к вызывавшему особое сопротивление жанру романа дает переводчик романов А. Прево С. А. Порошин. Его соображения не оригинальны; свою аргументацию он черпает в основном из западных источников, где она применялась много

⁷ Там же, с. 361, 369, 488.

⁸ Барклай Д. Аргенида, повесть героическая... СПб., 1751, т. I, с. III, IX, XIII.

⁹ «Предъизъяснение» к «Телемахиде» (1766). См.: Орлов А. С. «Телемахиде» В. К. Тредиаковского. — В кн.: XVIII век. М.; Л., 1935, [сб. 1], с. 14.

раньше; но для России она была нова. С. А. Порошин называет два способа «проповедания» добродетели. Один, «яко законоподавцы», прямое поучение читателя, и другой, более «приманчивый», когда нравоучение преподносится в «блистании прелестных одежды», чтобы «возбудить охоту и внимание в читателях».¹⁰

В конечном счете вопрос о пользе художественной литературы был решен в рамках усвоенной теории европейского классицизма, в основе которой лежала проповедь государственного и общественного долга. Литература, таким образом, была вновь привязана к системе внелитературных общественных ценностей. Однако место ее не было точно фиксировано. Некоторое представление о разных точках зрения на литературу дают оригинальные и переводные книги по воспитанию и образованию, изданные примерно до 1760-х гг.

Следует сразу отметить, что вводимые в обращение теории воспитания были направлены против схоластического книжного образования. Определенным завершением этого процесса явились педагогические воззрения Ж. Ж. Руссо, полностью исключившего книгу из воспитательного процесса. Однако частичное усвоение идей «Эмиля» началось в России только во второй половине века. До этого цели переводчиков были чисто практическими и для перевода отбирались сочинения, соответствующие русским традициям и потребностям. Заведением, которое ставило задачу прежде всего воспитания, а не образования, оставался Сухопутный шляхетный корпус, преподаватели которого именно в 1760-е гг. и перевели ряд наставлений о воспитании молодого дворянина. В это время переиздаются и уже известные русскому читателю книги: упоминавшиеся «Письма» госпожи Ламбер; приписывавшаяся Фенелону и переведенная В. К. Тредиаковским «Истинная политика...», «Совершенное воспитание...» аббата Бельгарда в переводе С. С. Волчкова. В какой-то степени оживление педагогических интересов было связано с деятельностью И. И. Бецкого по воспитанию «новой породы» людей.

Почти все педагогические трактаты обращают внимание на то, какое место должна занимать в круге чтения художественная литература, иногда затрагивают вопрос о престижности литературных занятий. В известной мере эти высказывания проясняют отношение читателя к писателю и писателя к своему труду, сложившиеся к середине века. Книги эти предназначались для дворян и, естественно, опирались на представление о первенствующем значении дворянского сословия в жизни государства. Призывы к дворянам учиться вполне соответствовали сохранившейся от Петра I традиции почти насильственного обучения дворянских недорослей. Объяснялась необходимость науки для благородного человека, так как те, которые «превосходят других порою, должны превзойти их и величественно сво-

¹⁰ *Пресо д'Эмиль А. Философ английской, или жгити Клевеланди* СПб., 1760, т. I, с. 2—3.

его знания». Отсюда вытекала и градация необходимых знаний. Из них наиболее важны те, которые понадобятся дворянину в его практической служебной деятельности. Из общеобразовательных наук к их числу относили этику, политические науки, историю; их дополняет профессиональное обучение военного и чиновника. В этой системе находит свое, но чисто подсобное место также риторика, которая обучает не только приемам говорить изящно, но и, что более важно, говорить убедительно: «чрез красоту своего слова к тому слушающих приводит, что они верят выговоренному».¹¹

Другую часть знаний представляют нужные для личного и общественного «увеселения»; к ним относится и стихотворство. Среди нравоучительных «Катоновых двустий», приложенных Тредиаковским ко 2-му изданию «Истинной политики...», есть одно, которое рекомендует:

Много чтн, и прочитав, протверди для слога;
В стихотворцах много слов, красоты премного.¹²

В книге Ж. Бельгарда также подчеркнуто, что для дворянина, предназначение которого служить государю, не обязательно иметь литературные познания, т. к. «сие по общему мнению не только Реторики с Философиею спльнее, но и всей Поэзии (стихотворство — *примеч. С. Волчкова*) важнее». В. Н. Татищев еще в 1733 г. в числе «сшегольских наук» называл «стихотворство, или поэзию». Правда, в данном случае он скорее всего имел в виду ознакомление с изящной словесностью, а не обучение стихотворству. Таким образом, уже в 1740-е гг. наравне со стремлением обосновать почти государственное значение труда частных писателей повторяется, особенно в книгах, адресованных дворянскому юношеству, и противоположный взгляд на литературное творчество как на изящную игру или малозначительное развлечение.

В другом месте «Разговора двух приятелей...» Татищев косвенно говорит о необходимости разрабатывать правила поэзии, применимые к светскому искусству. Краспоречие, работа над словом традиционно принадлежали классам риторики и пиитики, о которых Татищев отзывался уничижительно и с раздражением, имея в виду Заиконоспасскую академию: «Что их реторике принадлежит, то более вралями, нежели реторами именоваться могут... Часто все их слоги реторическими пустыми словами, нежели сущим делом наполняют».¹³ Татищев имел в виду господствовавшее в духовных училищах схоластическое преподавание, которое никак не было связано с практическими задачами новой литературы.

¹¹ Истинная политика знатных и благородных особ. СПб., 1737, с. 27, 38.

¹² Истинная политика знатных и благородных особ. 2-е изд. СПб., 1745, с. 177.

¹³ Татищев В. И. Избранные произведения. Л., 1979, с. 92, 108.

Мимолетное и раннее замечание Татищева, литератора и старшего современника Ломоносова, отражает несоответствие полезной цели просвещения общества, которую преследует светская литература, и существующих для этого средств.

«Краткое руководство к риторике» (1743) М. В. Ломоносова было продиктовано стремлением в противоположность схоластике дать светский вариант теоретического и практического учебника литературы и принципиально писалось на русском языке, а не на традиционной латыни. Побудительные причины своего труда он объяснил в посвящении к изданию «Риторике» 1747 г. Главные среди них связаны с гражданским приложением литературы: «исправление нравов человеческих», «описание дел великих героев», польза «в политических поведеннях». В конечном счете, как это он еще определеннее выразил в наброске заметки «О нынешнем состоянии словесных наук в России» (1756), литература во многом определяет величие нации. В пример Ломоносов приводит Францию, указывая, что ее нынешнее значение в Европе основалось не столько на военной силе, сколько «трудодлюбием искусных писателей».¹⁴ Сочетанию понятий «трудодлюбие» и «искусство» в «Риторике» соответствовали предъявляемые к автору требования «познания правил» и «частого упражнения». Наличие «дарования», таланта — категории, восходящей еще к античным представлениям, само собой подразумевалось Ломоносовым; оно стояло на первом месте среди необходимых для писателя качеств.¹⁵ Вместе с тем формула Ломоносова включала и антитезу «искусства» и «трудодлюбия», направленную против еще имевшей силу ремесленной традиции.

Появление «Риторике» Ломоносова, по-видимому, отмечает тот момент, с которого начинаются систематические попытки упорядочить, ввести в единое русло творчество отдельных писателей. В 1748 г. также печатаются тесно связанные с «Риторикой» две «Эпистолы» Сумарокова, о языке и о стихотворстве. В конце 1740-х гг. Ломоносов, Сумароков и Тредиаковский были единодушны в этом стремлении, совместно работая над созданием общенациональной литературы. Однако и после того, как споры вокруг той же «Риторике» сделали их противниками, Сумароков практически остался верен точке зрения Ломоносова на общественное значение литературы и необходимость профессионализации, т. е. обучения писателя технике ремесла.

Характерно, что в письмах к Екатерине II за 1767—1770 гг. он пользуется тем же самым, что и Ломоносов, сопоставлением военной и литературной славы, заявляя, что писатель — звание не меньшее, чем полководец. Свои трагедии, «моралию и проповеданием добродетели наполненные», сатиры и комедии он приравнивал к практическим средствам искоренять невежество и

¹⁴ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.; Л., 1936, с. 24—41.

¹⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 7, с. 92—94.

впускать «должности гражданские». ¹⁶ Принципиально в первую половину жизни не писавший оды «на случай», защитник независимости писателя от власти, Сумароков тем не менее оказался первым в России профессиональным писателем на жалованье. При Екатерине II его единственной служебной обязанностью осталась поэтическая деятельность, даже не регламентированная цензурными требованиями. Если учесть, что он трудился с внутренней мыслью о чести нации и прославлении России, то ситуация не покажется парадоксальной. Переводя ее шутливо в прозаический план, сам Сумароков считал, что «стихами и прочими сочинениями» он приносит более «казенного доходу», чем удельная деревня. ¹⁷ Правительство в лице императрицы считало точно так же.

Таким образом, когда к середине века изящная словесность стала признаваться не только развлечением приватным, но серьезным делом, имеющим национальное значение, возникли психологические предпосылки для внутренней саморегламентации литературы как путем создания руководств и наставлений, так и с помощью литературной критики. Разработка требований и правил, о чем и как следует писать, по существу определяла тип профессионального писателя, если понимать профессионализацию в духе русских классиков, требовавших трудолюбивого овладения литературной формой. Сумароков называет это непременным условием подлинной поэзии уже в «Эпистолах» 1747 г. В «Оде анакреонтической» (1769), обращенной к Е. В. Херасковой, он дал ту формулу, которая сделалась лозунгом его преемника, а затем патриарха литературы XVIII столетия М. М. Хераскова: «Чисти, чисти сколько можно ты свое стопосложение, И грамматики уставы наблюдай по крайней силе». К концу жизни, подводя итоги своей литературной деятельности, в «Наставлении хотящим быть писателями» (1774) Сумароков вновь повторял: «Стихи писать — не плод единыя охоты, Но прилежания и тяжкия работы». ¹⁸

Непосредственные выступления против дилетантов содержатся в статьях Сумарокова «К несмысленным Рифмотворцам» (1759) и «О стопосложении» (опубликована посмертно). Первая важна биографическим свидетельством, что он уничтожал свои ранние, незрелые произведения. Во второй он обрушивается на тех, кто ради славы печатает свои «ученические задачи».

Вообще в статьях Сумарокова, посвященных собственно литературным вопросам, писатели делятся на писцов и авторов по признаку таланта и мастерства, а не по сословному, как это наблюдается в его публицистике. Прозвание рифмотворца получает наравне с Кирьяком Кондратовичем также и князь А. Д. Кантемир, писавший, с точки зрения Сумарокова, недостаточно выра-

¹⁶ Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980, с. 107, 108, 139, 156.

¹⁷ Письма русских писателей, с. 118.

¹⁸ *Сумароков А. И.* Избранные произведения. Л., 1957, с. 103, 105.

ботанным языком и не сумевший преодолеть силлабическую систему стихосложения. В то же время Ломоносов и его ученик Н. Н. Поповский, неоднократно осмеянные самим Сумароковым и его сторонниками за плебейское происхождение, в статье «О стопосложении» противопоставлены упадку поэзии в 1770-е гг.: «Ломоносова и Поповского нет, а других стихотворений мне неизвестно.¹⁹ Сложившееся еще при жизни писателей и ставшее с тех пор общим местом представление о полном антагонизме Сумарокова и Ломоносова по литературным вопросам несправедливо.²⁰

На взглядах Сумарокова имело смысл остановиться несколько подробнее также потому, что из трех реформаторов литературы его имя сделала своим знаменем численно самая значительная группа писателей, получившая известность под названием сумароковской школы. По преимуществу это участники «Трудолюбивой пчелы», журналов Кадетского корпуса, московских изданий М. М. Хераскова. Никакой формальной организации они не имели. Однако их творчество отличает единообразие, даже внешне отражавшее идейную сплоченность, которая и позволила им выступить в качестве серьезной общественной силы во время екатерининского переворота. Поддержав идейно (и практически) переворот, «сумароковская школа» как бы материализовала отвлеченную идею практической пользы изящной литературы. Это молодое поколение писателей по-своему истолковало идеи своего учителя. Представление об этом дают принципиальные литературные споры, сопровождавшие их первые выступления.

В литературных декларациях 1740-х гг. подчеркивался утилитарный характер литературы, ее принадлежность к сфере просвещения или обсуждались чисто технические вопросы (например, в «Одах парафрастических» Тредиаковского, Сумарокова и Ломоносова). Но уже полемика следующего десятилетия во многом обусловила разное понимание писателями конкретной, ситуационной функции литературы в жизни русского общества. В рукописной полемике 1753 г. за перебранкой, отразившей личные отношения и групповые пристрастия ее участников, вырисовывался общий предмет спора: вопрос о литературной сатире. Выступив с осуждением «петиметров» как явления дворянского быта, Елагин объявил обличение первой обязанностью поэзии, назвав Музу «ненавистницей всех в обществе пороков». Намешки посыпались на амбицию молодого литератора исправлять общественные недостатки, в то время как предмет его сатиры являлся незначительным. П. Н. Берков, внимательно изучивший отклики на «Сатиру на петиметра», пришел к выводу, что и Ломоносов, и Сумароков равно рассматривали этот спор как «проблему общественную».²¹ Однако, решая ее, сторонники Сумаро-

¹⁹ *Сумароков А. П. Стихотворения*. Л., 1935, с. 378—379, 390.

²⁰ Полемику с подобным мнением см.: *Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII в.* Л., 1968, с. 69—79, 98.

²¹ *Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика*, с. 119—129.

кова выступали за обличение социальных пороков, пренебрегая позитивными задачами; Ломоносов более важным считал предложить читателю положительный общественный идеал, пример для подражания, что, как известно, и являлось главным содержанием его одической поэзии. Точка зрения Ломоносова не противоречила широко распространенным воззрениям. В принципе подобного взгляда придерживался и Тредиаковский, сходной была позиция журнала «Ежемесячные сочинения».

Спор о предпочтительности ученой и учительной литературы на страницах журнала продолжил Г. Н. Теплов в статье «О качествах стихотворца рассуждение» (1755), которую можно считать последней попыткой теоретически предложить общую литературную платформу. Поэтому он намеренно подчеркивает значение содержательной стороны в произведении, «что во внутренности его сокровенно», в противоположность «наружной красоте речи». В его градации жанров высшим являются «учительные поэмы», сочинение которых требует от писателя «во всех науках иметь довольно понятие, а во многих совершенное знание и искусство». Статья, усащенная ссылками на античные и французские авторитеты, должна была предостеречь от поворота в сторону развлекательной и незначительной по темам поэзии.

Теплов попытался оценить смысл прошедшей полемики с точки зрения общих целей литературы. Отличая «добрых Авторов от худых», он избегает прямых личных нападок и обобщает образ «худого» писателя, придавая ему черты как Елагина, так и Сумарокова. Создаваемый им положительный образ писателя-эрудита также не имеет прямого реального соответствия. Требованиям Теплова не удовлетворяет даже такой энциклопедически образованный поэт, каким был Ломоносов. Тем не менее этот идеал является ярким свидетельством того значения, какое придало званию писателя высоко гражданственное творчество Ломоносова, Сумарокова, Тредиаковского.

Соблюдение правил поэзии оказывается обязательным, с точки зрения Теплова, но недостаточным для писателя; стихи лишь украшают богатство мыслей; предметом поэзии должно быть великое и серьезное. Живое значение этим обычным для поэтики XVIII в. соображениям придает их применение к обнаружившемуся в литературе расколу. Какие же отрицательные тенденции обнаруживает и осуждает Теплов? Он сетует на то, что поэзия утрачивает общезначимые гражданские цели и в лучшем случае ограничивается откликами на злобу дня. Именно как подмену высокой сатиры трактовал Теплов конкретно сатирические выступления сумароковцев. На этом же основании он презрительно отозвался о малых жанрах — песне, эпиграмме и пр., которые не несли идейной нагрузки. Осуждает он и преимущественное внимание к форме, имея в виду похвалы Елагина сумароковским рифмам, слогу («вольный склад»), метрике («стих прекрасный»). Но больше всего Теплова волнует утрата общезначимых критериев художественной ценности. Он подробно

доказывает тезис, что нормальная жизнь литературы должна протекать под эгидой критики, людей «верховного самого степени учительных». По-видимому, здесь он опирался на практику академической цензуры, обладавшей редакторскими полномочиями. Однако новые писатели не прислушиваются к мнениям «людей искусных», а апеллируют к мнению своего узкого кружка, друзей и знакомых.

Теплов проницательно уловил изменившуюся ситуацию, отмеченную, говоря его словами, расцветом авторского «самолюбия», и понял, что время, когда «стихотворцы смиренномудрствовали», не вернется, предвещая одновременно упадок литературы от «числа умножившихся в свете авторов».

В значительной степени все это было естественным последствием той профессиональной унификации литературной системы, за которую ратовал сам Теплов. К 1750-м гг. были детально разработаны четкие правила для каждого жанра, указана соответствующая ему тематика, составлены схемы метра, строфики и композиции для произведений разных родов. Можно упомянуть и практическую стилистику, ориентированную на современный общеупотребительный язык. Литературные навыки, которые раньше приобретались специальным обучением, стали доступны самообразованию. Примеры усвоения поэтической техники при помощи откровенного подражания образцам часто встречаются в журналах М. М. Хераскова. Сотрудничавшие здесь начинающие поэты повторяли сюжеты Сумарокова или вступали в своеобразные состязания между собой, по-разному разрабатывая одни и те же темы. Элитарность круга писателей была нарушена; различие между «поэтом» и «стихотворцем» всегда ощущалось весьма неопределенно, а теперь «стихотворцем» мог стать каждый.

Кроме того, соперником поэзии в ее обращении к широкому читателю стала развлекательная проза, ранее вообще выведенная за рамки литературы и в России даже не допускавшаяся в печать. Ее создателей, переводчиков и авторов мало волновала пропаганда идей, поскольку они руководствовались прежде всего читательским спросом.

В более общем смысле изменения, происходившие в литературной жизни, были следствием социально-культурных перемен. К середине века русское дворянство осознает себя как самостоятельную общественную силу. Как установил в свое время Г. А. Гуковский, исследуя литературное творчество оппозиционных правительству дворянских группировок в 1750—1760-х гг., существовала непосредственная связь между формированием словесной идеологии дворянства и новыми явлениями в литературе.²²

---

²² Гуковский Г. А. Очерки по истории литературы XVIII в. (Дворянская фронда в литературе 1750—1760 гг.). М.; Л., 1936.

В основе представлений этой части дворянской интеллигенции лежала чисто политическая предпосылка, что право и обязанность образованных дворян состоят в идейном руководстве обществом и правительством. Концепция разумного устройства общества, основанная на сословном распределении обязанностей, была развита ими последовательно, но, как скоро пришлось убедиться ее создателям, оказалась слишком отвлеченно умозрительной применительно к русской действительности. Особое место в ней уделялось литературе, через которую можно было внедрять здравые понятия в сознание современников. Литературные представления этой группы дворянских интеллигентов отличает вера в действительность поэтического слова. Они были убеждены в возможности путем литературной проповеди моральных истин и правил поведения привести общество к состоянию «золотого века» разума. Главная задача литературы, таким образом, внушить людям правильные взгляды на их общественное предназначение. Поэтому они обращаются не столько к монарху, правительству и вельможам, сколько к достаточно широкому кругу современных читателей. Писатели «сумароковской школы» расшифровывают понятно и применительно к современности общие понятия о долге гражданина, общественных обязанностях, добродетели и пороках. Каждый род сочинений получает определенные задачи. Трагедия внушает «омерзение к беззаконию» и «почтение к добродетели», комедия и сатира ведут «непримиримую войну с пороками и смешными обыкновениями», элегия сострадает человеку, «достойному сожаления», эклога воспевает «непорочность» и т. д. В целом же литература добивается единой цели — «сделать людей лучшими».²³ «Сумароковцы» особое внимание уделяют театру как «училищу жизни» и культивируют сатирические жанры. Их выступления отличает большая политическая активность, чем это было в литературе раньше. Херасков и Сумароков, например, составляя поэтическую часть сценария коронационного маскарада 1763 г., непосредственно перечисляют в «хорах» к нему желательные с их точки зрения мероприятия, которые должна осуществить Екатерина II. Подобную цель преследовали и многие другие произведения, появившиеся в первый период екатерининского царствования. Абстрактная схема идеального сословного устройства в реальном литературном воплощении приобретала сугубо утилитарные очертания. Ощущение, что литература (поэзия) как искусство выражения высоких идей подменяется облеченной в стихи публицистикой, отразилось в отзывах современников. Ломоносов наиболее резкое свое суждение о Сумарокове высказал в связи с нападками «Трудолюбивой пчелы» на подъячих: «Génie créateur (творческий гений)... изрядный нашел способ в крапиву испражняться».²⁴

²³ С. Д. Домашнев в статье «О стихотворстве» (1762). Цит. по: *Гуковский Г. А.* Очерки по истории литературы XVIII в., с. 209.

²⁴ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1955, т. 9, с. 635.

Выступление в литературе дворянской оппозиции повысило политическую злободневность литературы и одновременно сузило ее задачи. Характерно, что продолжавшийся в 1760-е гг. спор о сравнительном достоинстве поэзии Сумарокова и Ломоносова часто решался в пользу Ломоносова как выразителя широкой национальной точки зрения. Идейная программа дворянской оппозиции сформировалась в качестве узко сословной. Творчество этих писателей и адресовано было в первую очередь дворянскому читателю, единственному, которого следовало, с их точки зрения, вовлечь в сферу культуры. Но идеальные надежды не осуществились; им пришлось быстро разочароваться в исправлении нравов дворянства при помощи сатиры и наставления. Дворянская масса осталась равнодушна к литературным призывам. Что касается Екатерины II, то она руководствовалась прагматическими соображениями и, используя писателей группы Хераскова при восшествии на престол, пресекла дальнейшие оппозиционные выступления и отказалась от услуг просвещенного дворянства в качестве советников монарха. Гражданский пафос их поэзии оказался в противоречии с правительственными целями.

Херасковский кружок распался, участники его, за исключением самого Хераскова, практически прекратили литературную деятельность.

В программе дворянских интеллигентов имелось еще одно противоречие, которое повлияло на отношение дворян к литературному труду. Добиваясь интеллектуальной независимости от правительства и претендуя на идейное руководство государством, они высшей дворянской добродетелью провозглашали практическую службу. Этот традиционный призыв находил большее понимание у читающей публики, так как был подкреплен существовавшим бытовым укладом. И хотя Сумароков всячески подчеркивал значение труда писателя, почти приближаясь к формуле А. С. Пушкина — «слова поэта суть уже дела его»,²⁵ эта точка зрения, внушительно подтвержденная поэтической практикой Сумарокова, оказалась не единственной, и даже не была господствующей. Сам факт, что ему, главе русской литературы, приходилось столь яростно ее доказывать, свидетельствует о сопротивлении, которое она встречала. Некоторое представление о противоположном отношении к литературному труду дают адресованные дворянскому читателю книги, рисующие образ идеального дворянина.

В книге «Совершенное воспитание детей» аббата Бельгарда излагались правила воспитания детей в аристократических семьях. В русском переводе С. С. Волчкова она утратила этот специфический оттенок аристократической исключительности и, как можно предполагать, воспринималась русским читателем в качестве руководства о воспитании дворянина (в переводе — шляхтича) вообще. Все рекомендации наставнику исходят из главного

²⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 265.

сословного предназначения дворянства — служить монарху. Поэтому для дворянина всякое углубление в школьную ученость не только излишне, но и вредно. Военному не будет никакой пользы от изучения философии Аристотеля или «Риторики» Квинтилиана. Что касается статской службы, то автор предупреждает, что человек, который желает иметь успех в обществе, при дворе и у государя, должен даже остерегаться влияния ученых педантов. Правила школьного красноречия могут непоправимо испортить его «слог и штиль», которые должны, как это и положено светскому человеку, быть приятны, просты, вразумительны, «никаких бы школьных слов, высоких терминов и странных речей в письмах не было». Значительный и показательный отрывок посвящен в книге тому, как дворянин должен относиться к литературным занятиям, достаточно широко распространившимся в современном обществе.

«Нехудо, ежели шляхтич древних и новых стихотворцев книги знает и при случае на своем языке вирши сделать может; только бы сия охота для забавы была, а в слепую страсть не обратилась. Стихотворство в том особенное нещастие имеет, что всю свою красоту и почтение теряет, ежели человек публичным рифмотворцем или явным учителем поэзии сделается, а для того сей талант с великою осторожностью употреблять надо».²⁶

Еще более резкие высказывания против поэзии и стихотворцев содержались в «Дворянском училище Мобера де Гуве» (1764), которое Евстигней Харламов перевел «в пользу благородного юношества российского», а посвятил свой труд начальнику Сухопутного шляхетного корпуса М. М. Философову. По традиции воспитательных сочинений книга состоит из «разговоров» между наставником, в роли которого выступает умудренный опытом дворянин, и вступающим в жизнь молодым человеком. Один из разговоров, составляющих книгу, целиком посвящен пристрастию молодого дворянина к поэзии. Автор объясняет, что подобное пристрастие смешно, так как подлинное красноречие нельзя ни почерпнуть из книг, ни приобрести у платных учителей. Суетные и смешные ученые-педанты преподносят своим ученикам лишь «неудобь сплетенное сопряжение варварских слов и изречений». Поэзия может доставить человеку «приятности» в праздные минуты, но в общем следует сторониться стихотворцев, так как даже лучшие из них (автор упоминает здесь и Вольтера) продажны, и мера расточаемых ими похвал определяется пропорционально мере денег, «кои они в кошелек свой получить надеются». Современные поэты сделали из стихотворства промысел и в этом отношении подобны комедиантам, играющим на театре из платы.²⁷

²⁶ Совершенное воспитание детей, содержащее в себе молодым знатного рода и шляхетского достоинства людям благопристойные манеры и приличное поведение... СПб., 1760, с. 86—93.

²⁷ Дворянское училище, или правоучительные разговоры между кавалером Б*** и графом, его племянником... СПб., 1764, с. 133—158.

Из появившихся на русском языке воспитательных сочинений наиболее авторитетным и серьезным следует считать трактат Джона Локка «О воспитании детей» (1759), переведенный профессором и поэтом Н. Н. Поповским, человеком, близким к Ломоносову. Выдвинутая Локком теория практического воспитания личным примером оказала большое влияние на европейскую педагогику, и в Россию трактат пришел уже в ореоле славы. Популярна в России была и сенсуалистическая философия Локка; известна заметка Сумарокова с изложением некоторых ее принципов. Литературные взгляды Локка привлекли внимание русских писателей еще в 1730-е гг.²⁸

Что касается воспитательного значения литературы, то, по мнению Локка, она вообще может служить лишь незначительным подспорьем для наставника в его общении с учеником. Занятия ею и знания, «сысканные в словесных науках», не воспитают в ребенке той учтивости, которая дается только опытом жизни в обществе. У Локка, как и у Мобера де Гуве, имеется сильное предубеждение против богемного образа жизни присяжных литераторов. В нем говорит голый практицизм, когда он советует родителям не только не поощрять в ребенке талант стихотворца, если даже он отчетливо проявляется в его склонностях, но, напротив, «еще стараться погашать сей жар в детях, чтобы прибирать рифмы». «Ну не великой ли вред, — продолжает Локк, — когда он, учинившись добрым пиитом и заслуживши почтение за острогу разума... будет ходить в компании и места такие, где тратя время расточит купно имение. Редко находят золотую и серебряную руду на Парнасе».²⁹

Приведенные филиппики против поэзии и поэтов, рекомендовавшие дворянам если и заниматься литературой, то легко и непринужденно, а более довольствоваться услугами платных стихотворцев, падали на благодатную почву дворянского самосознания.

Крах литературно-просветительной программы дворянской интеллигенции в 1760-е гг. должен был содействовать усвоению таких взглядов. Необходимо подчеркнуть, что не деятельность поэтов «школы Сумарокова» изменила отношение к общественной роли литературы. Само возникновение подобной группы писателей было результатом политических изменений в русском обществе к середине века. Сформировавшаяся в среде дворянства, составлявшего главную культурную силу нации, оппозиция впервые открыто и организованно выступила в печати. Это было симптомом начала прямого участия литературы в политической борьбе, пока еще носившей характер теоретических споров о возможной эволюции русской монархии. Относительное единство мнений было нарушено. В литературном быту возникают явления, не

---

²⁸ См.: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975, с. 39—48.

²⁹ О воспитании детей, господина Локка. М., 1759, т. I, с. 186—191; т. II, с. 168—169.

... , ... , ...
... , ... , ...
... , ... , ...
... , ... , ...
(... , ... , ...).

XIX .

, ...

XVIII .

, ...

, ... ;
... ;
... , ... ;
... , ... ;

1770-

, ... , ...

1790-

XVIII .

, ... , ...

« ... »); « ... » (...)
« ... » , « ... »